

ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВНА ЕРМОЛАЕВА

старший научный сотрудник Института Североевропейских исследований, старший преподаватель кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ksana27@yahoo.com

ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ 1930-Х ГОДОВ (на примере работы Л. Виола «Крестьянский ГУЛАГ: Мир сталинских спецпоселений»)*

На примере работы Л. Виола, посвященной «крестьянскому архипелагу», рассматриваются проблемы идеологической предвзятости, терминологии, узости источников базы и общего концептуального подхода. Даже лучшие западные исследования по истории русского крестьянства, одним из которых, несомненно, является работа Л. Виола, обременены идеологическими предрассудками, некоторой однобокостью источников базы и в сравнении с отечественными исследованиями по теме запаздывают в публикации архивного материала. Приводится описание незадействованных доселе источников по теме «крестьянской ссылки». Тем не менее можно говорить и о существенном прогрессе в изучении проблем репрессированного крестьянства в СССР, проявившемся в публикации нового материала по социальным, медицинским и культурным аспектам системы спецпоселений в СССР.

Ключевые слова: крестьянство, система спецпоселений, методология, источники

История спецпоселений начала и середины 1930-х годов складывалась преимущественно в связи с исследованиями по истории российского крестьянства. История «кулацкой ссылки» в за- вуалированной форме формировалась с 1960-х годов и досконально представлена как в виде недавно опубликованных сборников документов центральных и региональных архивов, так и многочисленных исследований по теме [4; 312–318]. Система спецпоселений конца 1930-х – начала 1950-х годов как в России, так и на Западе традиционно рассматривалась в рамках проблемы «этнopolитических депортаций» [3], [8], [4; 295].

Показательно-симптоматической как в целом в контексте общего состояния современной западной историографии СССР, так и в отношении системы сталинских поселений является недавно изданная книга Линн Виола, профессора российской истории Университета Торонто (Канада)¹ [4]. Работа, посвященная «истории кулаков и “другого”, “крестьянского” архипелага», исследует политику раскулачивания, ее исполнение и последствия, а также жизнь в спецпоселках [4; 31]. Первая ее часть описывает процессы раскулачивания, ликвидацию кулачества как класса, подготовку и проведение депортаций на спецпоселение и строительство спецпоселков. Вторая часть о жизни и труде депортированных кулаков в спецпоселках затрагивает темы адаптации, образа жизни, голода 1932–1933 годов в спецпоселках Северного края, реабилитаций и повторных репрессий кулаков вплоть до конца Второй мировой войны.

Л. Виола демонстрирует доскональную изученность темы и российской историографии по ней, не говоря уже об огромной работе, проде-

ланной ею в архивах Москвы, Вологды и Архангельска (справочный аппарат составляет шестую часть работы). Тем не менее определенная часть ее дублирует «открытия» российских коллег. К примеру, детальное описание процессов раскулачивания, отправки на спецпоселение и жизнеустройства высланных в спецпоселках в начале 1930-х годов уже было представлено в отечественных работах [5], [6]. Это касается и статистических данных по отправлению на спецпоселения по регионам, районам высылки в 1930–1931 годах, «движению спецпоселенцев» и их трудоустройству [4; 325–328], [5; 17–25], а также статистики заболеваемости и смертности спецпоселенцев, численности пребывавших на спецпоселения в различные годы, побегов со спецпоселений во временной динамике [4; 289], [5; 16–75] и другим аспектам. Своеобразное запаздывание в публикации материала, являющееся свидетельством печального разрыва западной и отечественной историографии истории России XX века, очевидно, наследия холодной войны, свойственно многим западным исследованиям по истории СССР. Другая особенность работы как Л. Виола, так и многих других западных исследователей, – некоторая зацикленность на репрессивных аспектах изучаемого явления и преступлениях сталинизма [4; 153, 241]. Основной целью своей работы Виола ставит «описать террор в отношении крестьянского населения СССР», который в работе автора предстает рутинной повседневностью, стадии которой, от раскулачивания до мучительной смерти в поселении, предстают трагедией русского народа [4; 31]. История «крестьянского ГУЛАГа» и его обитателей является собой, по свидетельству ав-

тора, один из «кужающих опытов массовых репрессий в ХХ веке» [4; 24].

Несомненно, политика Советского государства по отношению к крестьянству, практики раскулачивания и депортации были бесчеловечны, как и сам сталинский режим, но взгляд на историю спецпоселений исключительно с точки зрения описания преступлений сталинизма значительно упрощает картину, ведет к предвзятому отношению в выборе источников и их интерпретации и ограничивает исследование узкими рамками описания репрессивной вакханалии режима и страданий его жертв.

Термин «кулацкая ссылка», будучи заимствованным из официальных документов советских органов 1930-х годов, с легкой руки публицистов конца 1980-х годов стал синонимом репрессированного крестьянства и распространился на всю массу спецпоселенцев [2], [4], [5]. Утвердившийся стереотип, что в начале 1930-х годов население спецпоселков было в основном крестьянским, неверен. Во-первых, в спецпоселения попадало множество представителей уголовного мира. Массовая высылка в 1933 году в восточные районы страны охватила не только крестьян, но и маргинальные группы городского населения, выявленные в ходе чистки городов при введении паспортной системы, и рецидивистов, выпущенных на волю в ходе разгрузки мест заключения. Во-вторых, как и любой другой сегмент сталинского общества, спецпоселенцев отличала высокая степень социальной и культурной иерархичности. Среди кулаков было немало других представителей социально чуждого элемента – священнослужителей, представителей оппозиционно настроенной интеллигенции, ремесленников, служащих и т. д. Это было связано с тем, что в ходе проводимых зимой и весной 1930 года депортаций списки подлежащих высылке кулаков нередко формировались на основе имеющихся у местных органов власти списков лиц, лишенных избирательных прав, – «лишенцев». Несмотря на жесткую инструкцию, данную карательным органам, отсекать при высылке от крестьянской массы так называемых бывших, их выявляли в ходе проверок спецпереселенцев на поселении и ими же часто комплектовалась медико-санитарная и культурно-просветительная инфраструктура спецпоселков [6; 14]. Как отмечали сами представители властей в начале 1930-х годов, «контингент в местах расселения весьма пестрый: не только кулаки 2-й категории из Сибири и Украины, но и высланные из погранполосы бывшие петлюровцы, махновцы, деникинцы, лица, имеющие подозрение, но не уличенные ни в чем определенно преступном, рецидивисты, судебно-сырьевые и высланные, прежде находившиеся в ссылке и т. п. В данное время все они находятся в условиях одного режима и рассматриваются как спецпереселенцы» [9; 234].

Л. Виола не смогла полностью избежать вышеупомянутых стереотипов. Автор ограничилась рассмотрением только той части крестьян, которая была выслана на спецпоселение. Огромное их количество стали заключенными ГУЛАГа и подверглись другим видам репрессий, а спецпоселения никогда не были исключительно «крестьянскими», как и собственно ГУЛАГ в любых своих проявлениях, и хотя доля раскулаченных крестьян в начале 1930-х годов в спецпоселках была высока, термины «кулаки» и «спецпоселенцы» не являются взаимозаменяемыми.

Исследование охватывает период вплоть до конца Второй мировой войны, но национальный вопрос, являющийся важным для истории спецпоселений не только 1940–1950-х, но и 1930-х годов, практически не затрагивается. А между тем уже в 1931 году в ходе проведения операции по массовому выселению кулаков в огромных масштабах проводилось выселение из «национальных» регионов. В целом создается впечатление, что социальная, национально-культурная и региональная история системы спецпоселений осталась нераскрытым.

Узость подхода и выбора проблематики обусловили и ограниченность источников базы, характерную практически для всех западных исследований истории СССР. Автор использует огромный массив официальных документов, в большинстве своем уже рассекреченных и введенных в научный оборот. В первую очередь это архивные коллекции фондов ОГПУ – НКВД – МВД, хранящиеся в ГАРФе, а также материалы ЦА ФСБ, Президентского архива и РГАСПИ. Активно и безоговорочно используются спецсводки ОГПУ – НКВД о «политических настроениях» спецпоселенцев, которые по своей специфике являются очень проблематичным источником, так как фиксируют сведения негативного характера [4; 157–158, 215, 228]. При этом автор не использует огромный пласт важных источников по истории спецпоселенцев. Это личные дела спецпоселенцев, содержащиеся в архивах. Они включают в себя карточку спецпоселенца с информацией биографического характера, протоколы допросов свидетелей, как правило, бедняков-колхозников из той же деревни, «социально-экономическую характеристику», содержащую детальное описание изменений в имущественном положении кулака до и после революции, и выписку из протокола президиума местного райисполкома о его выселении, а также материалы, относящиеся непосредственно к пребыванию на спецпоселении. Кроме того, это документы советских органов – облисполкомов и райисполкомов, хозяйственных (промышленно-отраслевых) предприятий, культурных ведомств (Наркомпрос), органов здравоохранения, областных судов и прокуратуры. Последние помимо уголовно-следственной ин-

формации на спецпоселенцев содержат информационные доклады прокуроров о состоянии дел в спецпоселках. Отдельный информативный пласт составляют документы по медицинскому и социальному обслуживанию населения спецпоселков, касающиеся медсети, обеспеченности кадрами и медикаментами лечебных учреждений, статистических сведений о заболеваемости и смертности спецпоселенцев, проведения лечебно-профилактических мероприятий и эпидемиях в спецпоселках.

Материалы, относящиеся непосредственно к пребыванию на спецпоселении, открывают многообразие учетных форм спецпоселенцев, а также различные аспекты их жизнедеятельности. В их число входят справки о нахождении в лазарете на лечении, акты о смерти детей и родственников, ходатайства спецпоселенцев с просьбами обеспечить лечение, освободить от работ, предоставить пособие по инвалидности, служебные записки, письма из спецпоселений родным и близким, автобиографии и производственные характеристики, сообщения органов о правонарушениях спецпоселенцев (побеги, спекуляция и т. д.). В делах содержится переписка спецпоселенцев или членов их семей с органами МВД по вопросам реабилитации.

Обширный массив документов по регионам, до сих пор не затронутый исследователями, составляют материалы, посвященные культурно-бытовому обслуживанию и школьному образованию. Они включают в себя планы развертывания сети кульпросветучреждений, отчеты о состоянии работы по ликвидации неграмотности, отчеты учреждений клубного типа, сведения о ходе дошкольного, школьного воспитания учащихся и комплектовании школ в спецпоселках кадрами [7].

Наконец, последняя проблема исследования – это проблема общей методологии и концепции. Как правило, современные западные историки, пытаясь объяснить процессы, происходившие в СССР в 1930-е годы, и в целом ход советской истории, либо используют репрессивно-карательный подход, рассматривая преступления сталинского режима в сравнительной перспективе с нацистской Германией, либо пытаются применить амбициозные методологические и концептуальные схемы, такие как модерность, подход пространственной истории А. Лефевра [1], либо имперский подход к изучению истории СССР [11]. Он является наиболее живучим в современной западной историографии истории СССР. Л. Виола использует синтез репрессивно-карательного подхода и имперской методологии.

Используя определение СССР как империи, выведенное Т. Мартином (основанное на отношениях СССР с собственными нацменьшинствами) [12], Л. Виола дополняет его сравнением с колониальными предприятиями европейских

государств [4; 236]. Согласно концепции автора, в процессе осуществления модернизации экономики «деревня выполняла роль “внутренней колонии” Советского Союза, которую эксплуатировали в интересах Москвы» [4; 235]. В обоих случаях колонизация сопровождалась «поправлением человеческого достоинства» [4; 236].

Подобная схема объяснения является несколько упрощенной. Взаимоотношения Москва – регионы не совсем вписываются в рамки традиционных отношений метрополия – колонии. Кроме репрессивно-карательных мер, применяемых советским руководством в отношении крестьянства, представителям последнего предлагались уникальные возможности социальной мобильности, как и образовательные возможности, не существовавшие ни в одной колонии мира.

Тем не менее отдадим должное правильности вывода Л. Виола о феномене «ответной реакции» в истории спецпоселений [4; 238]. Действительно, сталинская политика зачастую определялась обстоятельствами либо представляла ответную реакцию на возникавшие проблемы. Отчасти на затяжной характер кризиса, в котором СССР пребывал в 1930-е годы, проявившегося в напряжении первых пятилеток, коллективизация, раскулачивания и массовых репрессий, повлияла «взрывоопасная международная обстановка и пресловутое “капиталистическое окружение”, взвившее в кольцо Советский Союз» [4; 238].

Надо отдать должное автору: она детально раскрывает планы и проекты, согласно которым были осуществлены депортации, и прослеживает их претворение в жизнь. Подробное описание перипетий координационных комиссий по делам спецпоселенцев (Толмачева, Бергавинова) сопровождается исследованиями биографического характера, изучены жизненные пути большевиков, решавших судьбы высланных [4; 85–105]. Описание процессов депортации и организации жизни на спецпоселении доказывает правоту автора в ее утверждении о характерном «экспериментальном» и «реактивном» характере депортаций на спецпоселение начала 1930-х годов, планировавшихся на ходу, в противовес аналогичным процессам конца 1930–1940-х годов, проходивших в условиях более четкой организации и контроля. По утверждению автора, детали планирования транспортировки раскулаченных в окружные и районные центры регионов их поселения были заимствованы из военных мобилизационных кампаний [4; 68].

В работе представлены ценные данные по медобслуживанию и эпидемическим заболеваниям в спецпоселках [4; 178–179], по детской заболеваемости и смертности в региональном разрезе [4; 81, 136–138], проанализирован состав учителей в школах спецпоселков, в основном это были сами спецпоселенцы, вынужденные

«перевоспитывать» в русле коммунистической пропаганды собственных детей [4; 140–141].

Особенно интересно исследование социального среза комендантов в спецпоселках северного края, проблемы их подготовки, продвижения по службе и руководства спецпоселками [4; 142–154]. Социальные портреты комендантов показывают, что, как и в других регионах, где располагались лагеря и спецпоселки, большинство административных работников были выходцами из беднейших слоев крестьянства (погорому и не могло быть в крестьянской стране). Это отражает любопытный процесс, как власть создавала аппарат из своих наместников на местах из той же крестьянской среды, которую пыталась себе подчинить, и как с их помощью ломала традиционные крестьянские ценности.

Любопытны приведенные данные по незаконно приезжавшим родственникам высланных [4; 163], деятельности ОГПУ по предотвращению побегов и особенностям создания сети осведомителей [4; 165–168]. Случаи организованного сопротивления депортированных крестьян в начале 1930-х годов, сопровождавшиеся беспощадной борьбой с ними ОГПУ [4; 167–170], впоследствии влекли за собой попытки властей исправить ужасающее бедственное положение в спецпоселках в виде реформирования системы их управления. Административные реформы системы на протяжении 1930-х годов были непоследовательны. Послабление режима в спецпоселках и попытки реабилитации спецпоселенцев были всего лишь прелюдией к репрессиям в их среде 1937–1938 годов, в ходе так называемого второго раскулачивания согласно приказу № 00447 НКВД СССР [4; 196–213]. По состоянию на июль 1938 года, из 699 тыс. 929 человек, арестованных по приказу № 00447, обвиненные в кулачестве составили 376 тыс. 206 человек. Таким образом, доля кулачков в составе репрессированных выросла до 54 % [4; 301]. К сожалению, Л. Виола лишь вскользь упоминает, что репрессии в среде руководящих работников и сотрудников НКВД до основания потрясли саму административную структуру спецпоселений [4; 214].

В русле подхода к истории спецпоселений как к колоссальному этносоциальному эксперименту

историю «кулацкой ссылки» можно рассматривать в качестве уникального опыта реинтеграции последующих поколений спецпоселенцев в советское общество. Это заметно на фоне депортированных впоследствии «национальных» групп спецпоселенцев, чья высылка и возвращение в места своего проживания с концом советской эпохи привели к масштабным драматическим последствиям межнациональных конфликтов 1990-х годов. Высокий адаптивный потенциал кулаков, проявившийся в резком уменьшении побегов к 1936 году [4; 197], массовой службе в армии в ходе Великой Отечественной войне, их реабилитации и, наконец, практически полном исчезновении этой группы на спецпоселении к концу 1940-х годов, мог бы стать объектом для исследования. Но в работе Л. Виола подобные вопросы замещаются обсуждением пожизненной «стигматизации» спецпоселенцев.

Можно оспорить утверждение автора и о том, что злоупотребление репрессированных крестьян заложило фундамент ГУЛАГа [4; 243]. Колонизация малообжитых северных регионов имела огромное значение в организации депортаций на спецпоселение наряду с идеологическими мотивами, но строительство Беломоро-Балтийского канала, которое, без сомнения, можно назвать пилотным экономическим проектом ГУЛАГа, было осуществлено силами заключенных, среди которых значительной была и доля уголовников [11]. Наконец, для исследования судеб репрессированного крестьянства и его роли в экономике принудительного труда необходимо детальное изучение лагерей ГУЛАГа.

Л. Виола является, без сомнения, одним из лучших западных специалистов по истории российского крестьянства в Советском Союзе. Помимо отсутствия откровенно русофобских мотивов, ее отличают качественность, монументальность исследования, колоссальная работоспособность и готовность к сотрудничеству [10]. Поэтому перечисленные недостатки работы свидетельствуют не о погрешностях автора, а об общих проблемах совместного исследовательского пространства российско-американской историографии истории СССР.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На английском языке работа была опубликована в 2007 году, русскоязычной аудитории стала доступна в 2010 году.

² Центральный архив МВД Республики Карелия. Ф. 69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барон Н. Власть и пространство: автономная Карелия в Советском государстве 1920–1939. М., 2011. 400 с.
2. Бердинских В. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. Киров: Кировская областная типография, 2003. 528 с.
3. Бугай Н. Ф., Коцонис А. Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М.: ИНСАН, 1999. 168 с.
4. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: Мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2008. 335 с.

5. Земсков В. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
6. Красильников С. А. Серп и молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003. 288 с.
7. Лахтионова Т. И. Документы национального архива Республики Коми как источник по истории спецпоселения раскулаченного крестьянства на территории Коми края в 1930-е гг. ХХ века // Политические репрессии в России. ХХ век. Сыктывкар, 2001. С. 65–70.
8. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. 328 с.
9. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 / Под ред. В. П. Данилова, С. К. Красильникова. Новосибирск: Наука, 1992. 286 с.
10. Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы, 1927–1937 / Под ред. В. П. Данилова, С. А. Красильникова, Р. Мэннинг, Л. Виола: В 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006.
11. Ермолова О. The Social History of the Soviet GULAG in the 1930s: The White-Sea Baltic Combine of the NKVD. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2013.
12. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001. 496 p.
13. Naimark N. Stalin's Genocides. Princeton: Princeton University Press, 2010. 163 p.

Ermolaeva O. E., Nordic Research Institute of Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EXPLORATION OF SPECIAL SOVIET SETTLEMENTS OF 1930s (ON THE EXAMPLE OF THE WORK BY L. VIOLA “THE UNKNOWN GULAG: THE LOST WORLD OF STALIN’S SPECIAL SETTLEMENTS”)

The article is concerned with methodological problems of contemporary Western literature on the history of “peasant exile” (the system of special settlements in 1930s) in the USSR. On the example of a recent work by L. Viola, it discusses the aspects of ideological biases, incorrect terminology, narrowness of the source base, and general conceptual approach. It argues that even the best Western works on Russian peasantry bear the bondage of ideological prejudice, insufficiency of the source base, and belatedness in publication of archival materials. The article presents archival sources on the subject of “peasant exile”, which so far have not yet been used by the scholars. However, there is a significant progress in the study of repressions among Russian peasantry in Western historiography. The problem is widely discussed in publications of new materials on social, medical, and cultural aspects of the system of special settlements in the USSR.

Key words: Peasantry, special settlements, methodology, sources

REFERENCES

1. Baron N. *Vlast’i prostranstvo: avtonomnaya Kareliya v Sovetskem gosudarstve 1920–1939* [Power and Space: Autonomous Karelia in the Soviet State, 1920–1939]. Moscow, 2011. 400 p.
2. Berdinskikh V. *Spetsposelentsy: politicheskaya ssylka narodov Rossii* [Special Settlers: Political Exile of Russian Peoples]. Kirov, 2003. 528 p.
3. Bugay N. F., Kotsonis A. N. “Obiazat’ NKVD SSSR... vyselit’ grekov” [To order NKVD SSSR... to deport the Greeks]. Moscow, 1999. 168 p.
4. Viola L. *Krest’ianskiy GULAG: Mir stalinskikh spetsposeleniy* [The Peasant Gulag: the World of Stalin’s Special Settlements]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 335 p.
5. Zemskov V. *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special Settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 306 p.
6. Krasil’nikov S. A. *Serp i molokh. Krest’ianskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gg.* [The Sickle and the Moloch: The Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow, 2003. 288 p.
7. Lakhitonova T. I. The Documents of the National Archive of Komi Republic as a historical source in study of the dispossessed peasantry exile in Komi region during the 1930s in the XX century [Dokumenty natsional’nogo arkhiva Respubliki Komi kak istochnik po istorii spetsposeleniya raskulachennogo krest’yanstva na territorii Komi kraya v 1930-e gg. XX veka]. *Politichekiye repressii v Rossii. XX vek* [Political repressions in Russia in the XX century]. Syktyvkar, 2001. P. 65–70.
8. Polyan P. *Ne po svoey vole... Iстория и география принудительных миграций в СССР* [Not by Their Own Will... A History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow, 2001. 328 p.
9. *Spetsposelentsy v Zapadnoy Sibiri. 1930 – весна 1931* [Special Settlers in Western Siberia. 1930 – spring 1931]. Ed. V. P. Danilov, S. K. Krasil’nikov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992. 286 p.
10. *Tragediya Sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: Dokumenty I materialy, 1927–1937* [The Tragedy of the Soviet Countryside. Collectivization and dispossession of kulaks. Documents and materials, 1927–1937]. Ed. V. P. Danilov, S. A. Krasil’nikov, R. Menning, L. Viola. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999–2006.
11. Ermolova O. The Social History of the Soviet GULAG in the 1930s: The White-Sea Baltic Combine of the NKVD. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 2013.
12. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 496 p.
13. Naimark N. Stalin’s Genocide. Princeton: Princeton University Press, 2010. 163 p.

Поступила в редакцию 12.07.2013